
КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Приходится исходить из того, что все, связанное с эротическими проявлениями человека, рассматривается Средневековьем в контексте греховности. Отторжение чувственности как таковой, понимание сексуальности сугубо в контексте грядущей кары – все это, накладываясь на осознание невозможности преодолеть искушение, порождает перманентное чувство вины и приводит к тому, что источник этого искушения подвергается, мягко говоря, негативной оценке. Стоит ли удивляться, что в логическом своем завершении этот вектор приводит ко столь характерному для европейского Средневековья антифеминизму, который – увы! – дает о себе знать и по сей день.

Это объяснимо: не будем забывать о том, что Средневековье – культура мужчин и тексты в средневековой Европе писались сплошь мужской рукой. Писали бы женщины – в качестве сосуда скверны, вовлекающего во грех, был бы назван мужчина...

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

ЖЕНЩИНА ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ: АНТИФЕМИНИЗМ КАК ФОБИЯ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Посвящена одному из серьезных последствий того аксиологического остракизма, которому был подвергнут феномен любви земной в средневековой европейской культуре, а именно формированию антифеминизма. Показано, что данный феномен выходит далеко за пределы бытовых инвектив в отношении женщин, формируя не только и не столько глубинную культурную установку средневекового мировоззрения, сколько характерную для Средневековья фобию. Рассматриваются два ракурса проявления этой фобии: с одной стороны, восприятие женской сексуальности как многогранно опасной, с другой – устойчивое связывание в массовом сознании феномена женщины с магией и колдовством.

Ключевые слова: женщина; соблазн; искушение; грех; фобия; колдовство; ведьмы; инкубы; суккубы; антифеминизм; демонизация; инквизиция; аутодафе.

Образец цитирования:

Можейко М. А. Женщина глазами средневековой культуры: антифеминизм как фобия // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 128–138.

For citation:

Mojeiko M. A. Woman in eyes of medieval culture: antifeminism as fobia. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 128–138 (in Russ.).

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

WOMAN IN EYES OF MEDIEVAL CULTURE: ANTIFEMINISM AS FOBIA

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, Rabkorawska Street, 17, 220007, Minsk, Belarus

The article is devoted to one of the most serious consequences of axiological ostracism, which has been subjected to the phenomenon of earthly love in Medieval European culture – namely, the formation of antifeminism. It is shown that this phenomenon extends far beyond the ordinary household invectives against women, because it had formed not only the deep cultural setting of the medieval worldview, but real phobia. This article discusses two directions of its realization: the negative perception of female sexuality as dangerous, on the one hand, and sustainable binding in the mass consciousness of the phenomenon of women with magic and sorcery – on the other.

Key words: woman; temptation; temptress; sin; phobia; witchcraft; witches; incubus; succubus; antifeminism; demonization; the Inquisition; autodafe.

Средневековое сознание повседневности характеризуется формированием такой мировоззренческой установки, как антифеминизм. Сразу уточним, что речь идет не о подчиненном положении женщины в средневековом обществе и урезанности открытого ей социального пространства – по оценке медиевистов, «место женщины – семья и брак» [1, с. 270–281], – не о ее юридическом бесправи, не о минимальном участии женщин в культурном процессе, практически исчерпывающемся их объектной ролью, не о недостаточном развитии женской идентичности, не о так называемом «молчании женщин» в средневековой культуре [2], а именно об установке активного антифеминизма.

Антифеминизм Средневековья – активный и острый, тотальный и всеобъемлющий, столь глубокий и фундаментальный, что его невозможно списать на имплицитную идею мужского доминирования в общем контексте традиционной культуры или

эксплицитную идею мужского первородства в общехристианской системе отсчета.

Согласно библейской традиции «горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый перед Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею» (Еккл. 7: 26). Именно на женщине лежит проклятье первородного греха: руками Евы дьявол срывает запретный плод и ее устами искушает Адама: «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы <...> мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел» (Еккл. 7: 20, 28).

Разумеется, эту аксиологическую установку нельзя сбрасывать со счетов, однако в сознании повседневности Средневековья на этом основании созревает нечто гораздо более радикальное: женщина осмысливается не только как порочное существо, а как олицетворение порока, не просто как носитель зла, а как воплощенное зло. Марбод Реннский пишет:

Женщина, корень беды, ствол порока, зловредный отросток.
В мире повсюду она без числа порождает соблазны;
Всякие свары, вражду и междоусобные распри
Будит и старых друзей до кровавых доводит раздоров,
Губит она и любовь, сынов разлучает с отцами.
Этого мало: царей и властителей гонит с престола,
Войны заводит, крушит города, разрушает столицы,
Множит убийства и яд смертельный в кубки вливает;
Села, поместья огнем пожаров она истребляет.
Словом, такого нет зла на всем белом свете, в котором
Женщина быть не могла хотя бы отчасти виновной... [3, с. 230].

Такая парадигма восприятия женщины практически универсальна для Средневековья. «Книга поговорок» Отлоха Эммерамского изобилует примерами антифеминистской позиции: «Всякая злость мала в сравнении со злостью жены»; «Жестокое животное – сердце порочной женщины» [4, с. 152]. Как предостерегает Секунд, «женщина есть <...> ненасытное животное, постоянное беспокойство, непрерывная борьба, повседневный ущерб, буря в доме, препятствие к исполнению обязанностей» [5, с. 256–259].

Существенно то обстоятельство, что антифеминистская установка Средневековья не исчерпывается аксиологически негативным отношением к женщине, хотя это, бесспорно, имеет место.

Классическими для Средневековья являются сюжеты о дурных женах. Широко распространенный *exempla* (пример для проповеди) содержит рассказ о том, как в одном городе избирали наиболее мучительный способ казни для ужасного злодея: предлагалось сжечь его, привязать к лошадиным

хвостам, содрать с него кожу заживо, но муж дурной жены посоветовал: «Дайте ему мою жену, худшей казни быть не может» [5, с. 249].

Типичным является широко распространенный сюжет о муже, чьи три жены (одна за другой) повесились на дереве в его саду: «один человек сказал ему: "...Дай, прошу тебя, три отростка от этого дерева, я хочу их поделить между соседями, чтобы у каждого из них было дерево, на котором могла бы удавиться его жена"» [6, с. 59]. В целом в *exempla* представлен широчайший спектр инвектив по отношению к женщинам: от нападок на суетность,

любопытство, упрямство, болтливость дочерей Евы до рассказов о том, как сжигаемая огнем разнузданности распутница, проходя по улицам в своем развратном наряде, сожгла весь город [5, с. 168, 246–247, 255–256].

По общей оценке А. Я. Гуревича, в *exempla* «среды многочисленных рассказов о женщинах лишь изредка встречаются такие, в которых они не выглядят моральными монстрами» [5, с. 250]. Марбод Реннский, описывая женщину, предоставляет читателю прямо-таки энциклопедически полный перечень грехов и пороков:

Этот завистливый пол, легкомысленный, яростный, жадный,
И до вина непомерно охоч, да и крайне прожорлив;
Радостно мстит и во всем других одолеть он стремится,
Правдой и кривдой достичь своего неумно желая;
Что ему сладко, на том никакого не знает запрета.
Вечно приветлив на вид, а способен на всякую низость,
Лжив и бесстыден всегда и готов на любые обманы;
То его к деньгам влечет, то жжет его похоти пламя,
Он суетлив и болтлив, а к тому же еще и заносчив... [3, с. 230].

Разумеется, оборотной стороной антифеминизма выступает позитивный аксиологический акцент на мужчине как таковом, славном уж тем, что он не женщина. Например, казалось бы, в системе средневекового аскетизма клирик, согрешивший против целибата, должен выступать символом предельного морального падения. Между тем даже в этой ситуации срабатывает парадигма антифеминизма: громы и молнии общественного мнения обрушиваются не на давшего обет безбрачия и нарушившего его, а именно на женщину. Содержание *exempla* ярко иллюстрирует этот контраст (напомним, речь идет не о действительной позиции церкви в отношении оступившихся монахов, а лишь о выраженном в *exempla* общественном мнении). Так, например, священник, шедший в ночь на Рождество из одной деревни

в другую, чтобы отслужить мессу, согрешил в пути с женщиной и когда утром начал службу, в храм якобы влетел голубь и унес гостию, выпив кровь из чаши, которую должен был поднять священник [5, с. 221]. Как видим, наказание ограничивается чисто символическим намеком на служебное несоответствие, в то время как конкубины священников (так называемые *священницы*) клеймятся общественным мнением беспощадно: им даже отказывают в *поцелуях мира*, которыми прихожане обмениваются по окончании службы. Считается, что обменявшийся таким поцелуем со *священницей* лишается своей доли в мессе [5, с. 245]. Нравственный статус *священницы* оказывается ниже даже статуса продажной женщины. Из текста Матвея Вандомского очевидно, что ее могут осудить любые парии:

С клириком жить – незавидный удел: народ попрекает,
Шут смеется в лицо, блудные девки язвят.
Всем я позорище, черни посмешище, людям потеха;
Чудище видят во мне, пальцами кажут мне вслед... [7, с. 444].

Аналогичный посыл – в формулировке Отлоха Эммерамского: «лучше жестокий мужчина, чем услужливая женщина» [4, с. 154].

В устах инквизиторов антифеминизм обретает новый фундаментальный аргумент: «Да будет прославлен Всевышний, по сие время охранивший мужской род от такой скверны. Ведь в мужском роде он хотел для нас родиться и страдать» [8, с. 132].

Однако средневековая культура демонстрирует в отношении женщины нечто гораздо более глубокое и фундаментальное, нежели бытовые инвективы. В рамках сознания повседневности антифеминизм Средневековья – не столько аксиологическая установка на дискриминацию женщины, сколько

собственно фобия. Наиболее распространенной средневековой фобией, выражающей общий страх Средневековья перед сексуальностью, выступает именно боязнь женщины.

Если обобщить все инвективы средневековой культуры в адрес женщины, обнаруживается, что страх перед ней и вытекающий из него антифеминизм Средневековья базируются на двух основных моментах и, соответственно, можно обозначить два вектора проявления указанной фобии: с одной стороны – негативное восприятие женской сексуальности как многогранно опасной, с другой – устойчивое связывание в массовом сознании феномена женщины с магией и колдовством.

Искусительницы и погубительницы

Итак, вектор первый. Он связан с тем, что в цивилизации мужчин, каковой, безусловно, является средневековая Европа, именно женщина мыслится как носитель сексуальности и уже по одному этому в глазах мужчин-современников нечиста и опасна.

В глазах Средневековья *дочери Евы* – не только средоточие, но и источник иррадирующего греха, от которого даже праведнику нет спасенья. Как предостерегает Секунд, «женщина есть смущение мужчины» [5, с. 256]. Понимание сексуальности сугубо в контексте греховности и грядущей кары, с одной стороны, и осознание невозможности преодолеть искушение, с другой, порождают неизбывное чувство вины.

Средневековье – культура мужчин – говорит мужскими голосами, а потому именно женщина видится как источник искушения, искусительница, сознательно вовлекающая во грех, не только как причина греха, но и как причиняющая грех. Хотя корректнее в этом контексте было бы использовать кантианскую терминологию и говорить не о провоцирующем, а об *аффицирующем* чувственность факторе, причем *аффицирующем* не сознательно и тем более не злокозненно, а объективно (и не *самим фактом своего существования*, а ракурсом видения женщины мужскими глазами).

Следует также иметь в виду, что авторы средневековых текстов – это не просто мужчины, а грамотные мужчины, носители глубинных установок и ценностей средневековой культуры, а потому тексты в полной мере проникнуты идеями аскезы, отторжения чувственности, соблюдения запретов и боязнь загробной кары, основанной на глубоком и остром осознании собственной греховности. Эти тексты продиктованы страданиями души, мятущейся между жаждой безгрешия и греховным соблазном. Неслучайно И. Н. Голенищев-Кутузов неоднократно отмечал, что тексты средневековых авторов представляют большой интерес для психоаналитика [9]. Уместно вспомнить в этом контексте и мысль А. Адлера: «Я не встречал еще ни одного мужчину-невротика, который в той или иной форме не подчеркивал бы или не пытался бы доказать неполноценность женщины» [10, с. 222]. В этом плане в основе антифеминизма как фобии лежат

подавленность эротического компонента культуры Средневековья, вытесненность его за границы дозволенного.

Данная общая ситуация имеет еще и конкретную спецификацию, обретая особую остроту в контексте монашеского celibата: для монаха, связанного обетом безбрачия, чрезвычайно болезненным является тот факт, что даже безукоризненное соблюдение celibата не компенсирует греховности помыслов, которыми постоянно живет средневековый клирик именно в силу своей нормативной аскезы. Например, Иероним признается: «...о, сколько раз, уже будучи отшельником и находясь в обширной пустыне <...> служащей мрачным жилищем для монахов, я воображал себя среди удовольствия Рима! <...> Я, тот самый, который из страха перед геенной осудил себя на такое заточение в сообществе только зверей и скорпионов, я часто был мысленно в хороводе девиц. Бледнело лицо от поста, а мысль кипела страстными желаниями в охлажденном теле, и огонь похоти пылал в человеке, который заранее умер в своей плоти. <...> Я боялся самой кельи моей, как сообщницы помышления <...> окаянной плоти» [11, с. 37]. Х. Л. Гонсалес пишет об Иерониме как об «одержимом терзаниями плоти», о «плотских желаниях, не оставивших его»: «...от бремени плоти он надеялся избавиться, став монахом. Но сновидения и воспоминания о римских танцовщицах продолжали преследовать его» [12, разд. 16]. Таких сюжетов можно привести множество: средневековая литература изобилует таковыми.

Исследователи достаточно единодушны в оценке этого момента. Как пишет М. М. Шейман, «по житейным рассказам о том, как “бесы искушали” монастырских жителей, можно увидеть, какова на самом деле была жизнь в монастырях. <...> По своим пикантным подробностям они так и просятся <...> в число <...> новелл Боккаччо» [13, с. 66].

Фигура клирика, терзаемого запретным вожделением, столь типична для массового сознания Средневековья, что даже в «Письмовнике» представлена заготовка письма *клирика девушке*, причем отнюдь не назидательно-духовного содержания:

Ночью на ложе моем испускаю стенанья и стоны;
Изголодавшись во сне, влажно блуждают глаза.
Ночью воочью стоишь предо мною – люблюсь любимой <...>
Шеей, лилеи белей <...>
Мнятся мечте поцелуи твои, объятия манят,
Праздной влекусь я мечтой к ложу стыда твоего.
Мнятся Венерины царства, еще не покрытые пухом <...>
Царства, таящие сласть в недрах медовых своих <...>
Вид твой питает мой взор и дразнит мое осязанье –
Сладость вкушают глаза, голодом мучится ум... [7, с. 440–441].

Тут двоякий вектор страдания: и неутоленное вожделение, и – мало того! – боль погубленной этим вожделением души. Потому антифеминизм, возможно, единственная защита для клирика в этом положении. Неслучайно А. Я. Гуревич называет средневекового монаха «антифеминистом по определению» [5, с. 241].

В итоге в средневековой культуре складывается следующая ситуация. Очевидно, что центральным идеологическим институтом в средневековой Европе выступает церковь, стало быть, мировоззренческие ориентиры культуры задаются преимущественно клиром. Вместе с тем это абстрактное множество состоит из конкретных людей, чьи состояния и массовые настроения могут выражать не только официальную позицию христианской церкви. Однако именно проповедь выступает в культуре Средневековья как средство масштабного тиражирования и распространения той или иной мировоззренческой парадигмы, в силу чего позиция клира в рассматриваемом вопросе могла оказать и оказала влияние на развитие массового антифеминистского настроения. В этом контексте особое значение для понимания средневековой культуры повседневности обретают разрабатываемые клириками *exempla*, используемые в проповедях в качестве иллюстративного аргумента. Как отмечает А. Я. Гуревич, «человек, с точки зрения проповедника, по преимуществу мужчина. Свой монастырский мирок – мужскую общину – он подсознательно принимает за модель общества вообще» [5, с. 242], потому женщина, отторгаемая монашеской аскезой, видится как отторженная вообще. Именно в силу этого *exempla*, составляемые средневековыми клириками, тиражируемые в рукописях и широко распространяемые посредством проповедей, становятся своего рода рупором средневекового антифеминизма.

Они изображают подавленное влечение монаха, лежащее в основе его отвращения к женщине. Один из них содержит сюжет о том, как, перенося через реку родную мать, отшельник обертывает руку в плащ, чтобы не коснуться ее тела, и на возмущение матери отвечает: «Не гневайся, матушка, плоть женская – огонь». Аналогичны и следующие моральные сентенции *exempla*: как повар не может долго стоять у огня, не рискуя перегреться, как нельзя пребывать под жаром, не будучи сожжен-

ным, так и человек не может находиться рядом с женщиной без того, чтобы не произошло нечто грязное и греховное; с приближающимся к женщине непременно случится то же, что с глупцом, который схватил обнаженный меч, или со входящим в пылающий огонь [5, с. 242].

Именно массив *exempla* такого рода формирует сознание повседневности средневековой Европы, разорванное (в гегелевской терминологии) сознание, причем разорванное весьма болезненно. С одной стороны – нормативная аскеза клира, с другой – подавляемый, но не подавленный эротизм, понятый в сложившейся системе отчета как нелегитимный, греховный и грязный. По оценке И. Р. Григулевича, «Молот ведьм» мог быть порожден только развращенным умом и садизмом авторов [14, с. 158]. Показательно, что папа Иннокентий VIII, издавший буллу «*Summis desiderantes affectibus*» (с лат. – «Всеми силами души»), провозглашавший необходимость искоренения ереси и колдовства в Рейнской области и фактически наделивший авторов «Молота ведьм» Якоба Шпренгера и Генриха Инститориса неограниченными полномочиями, характеризуется современниками как «грубый развратник, мечтавший лишь о женщинах»; С. Г. Лозинский, анализируя этот памятник, отмечает, что в нем «самый дикий фанатизм сплетается с извращенной похотью» [15, с. 243–244].

В целом, по оценке медиевистов, «отвращение монаха к женщине и его страх перед нею выдают его подавленное влечение» [5, с. 242]. Но в сухом осадке – все-таки отвращение и страх. Все, что нужно для формирования антифеминизма.

В итоге женщина трактуется негативно в самом глубинном, сущностном (прямо-таки онтологическом) смысле: как формулируется в «Молоте ведьм», женщина «скверна по своей природе» [8, с. 130] и «имеет недостатки как в душе, так и в теле» [8, с. 129]. Она видится как губительно опасная и для тела, и для души (в первую очередь для души!), и потому в отношении женщины в средневековой культуре однозначно складывается то, что Ж. Даларен очень точно обозначил как «образ врага» [16, с. 28–32].

Женщина осуждается Средневековьем как таковая, причем особенно – женщина любящая. Так, по оценке Алана Лилльского:

Если безумье любви обуяет женскую душу,
Нет преступлений таких, чтобы ее утратить!
Дочь – отца, и брата – сестра, и замужняя – мужа
Губит коварной рукой... [17, с. 346].

В глазах Средневековья сама любовь женщины дурного свойства: женщина в ней и похотлива,

и продажна, и по определению неверна. Как пишет Марбод Реннский:

Ловко пленяя мужей, их огнем распалает любовным,
Но совершенно в ней нет ни верности, ни постоянства;
Жуткая похоть ее пуста и бессмысленна вовсе... [3, с. 231].

Именно «из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь испытала неисчислимый вред», и – чего уж мелочиться! – «поч-

ти все государства были разрушены из-за женщин» [8, с. 131]. А по определению «Письмовника» Матвея Вандомского, женщины неспособны на любовь:

Может ли кто сказать: «Я любим»? Никого не полюбят,
Если подарка не дашь: любят не давших, а дань... [7, с. 442].

В итоге любовь тем и плоха, что в ней «женская слабость побеждает, а мужская мощь посрамлена бывает» [18, с. 84]. Вот он, женский голос Средневековья (это слова Хротсвиты Гандерсгеймской, и трактовать их можно неоднозначно). И потому, полагает Секунд, «нужно избегать общения с женщиной, во-первых, потому что она запутывает мужчину, во-вторых, потому что она оскверняет его, и, в-третьих, потому что она лишает его имущества и добродетелей» [5, с. 259].

В этом и заключается главная связанная с женщиной (более того, исходящая от нее) опасность: именно через женщину входят в мир соблазн и грех. Излюбленными цитатами из Библии становятся в средневековых текстах вырванные из контекста формулировки: «...женщины развратят разумных» (Сирах. 19: 2), а потому «не отдавай женщинам сил твоих, ни путей твоих губительницам...» (Притч. 31: 3); там, где речь шла о блудницах, начинают подразумеваться женщины как

таковые, а то обстоятельство, что «губительницам царей» противопоставляется «добродетельная жена», просто обходится вниманием. В восприятии женщины носителем массового средневекового сознания эротичность и достоинство соотносятся по принципу Гейзенберга: или одно, или другое, но никогда одновременно. Неслучайно в ряду типажей, исчерпывающих для художника XIII в. современную ему социальную структуру, представлено лишь два женских персонажа: королева (выступающая для носителя массового сознания скорее в качестве символа, нежели женщины из плоти и крови) и блудница. Иного в мировоззренческой системе отсчета Средневековья просто не дано.

В глазах Средневековья *блудница* не статус, а сама сущность женщины. Показательно, что в «Книге десяти глав» Марбоды Реннского глава, посвященная женщине как таковой, носит название «О блуднице»:

Женщина – сладкое зло, одновременно мед и отравы,
В сотах скрывая свой меч, она им пронзает и мудрых.
Кто ведь запретным плодом соблазнил впервые супруга?
Женщина... Только женщина, нежно ласкаясь... [3, с. 231].

Хочется посочувствовать автору: похоже, *мудрый* Марбод пишет явно не априори: «Полная всех этих зол, всем миром женщина вертит...» [3, с. 230].

Казалось бы, от П. Абеляра меньше всего можно было ожидать инвектив по отношению к женщинам. Тем не менее он пишет: «Я уверен, что мое поведение не должно возмущать никого <...> кто только помнит, что от первых времен существования человечества неудержимо попадали под власть женщины даже и самые величайшие мужи» [19, с. 297]. То есть не сам согрешил, а попал под

власть женщины. Для сравнения у Г. Гейне: «Добродетельным всякий может быть в одиночку: для порока же всегда нужны двое» [20].

Именно в этом видит Средневековье опасность женщины: полностью бесправная в мире мужчин, она, тем не менее, выступая в глазах мужчин-праведников носителем сексуальности, против их воли и желания (не будем задаваться вопросом о ее воле и желаниях) в силу самого факта своего существования мешает им реализовать свою праведность. Это серьезное основание для антифеминизма именно как фобии.

Ведьмы и суккубы

Не менее важным вектором проявления антифеминизма как фобии выступает демонизация женщины: последняя есть зло не просто сама по себе – в своей сексуальности женщина является орудием Сатаны. В средневековом искусстве распространен мотив искушения святого: дьявол пытается ввести

его в соблазн, посылая к нему женщину. Сюжет из *exempla*: блудница хотела совратить отшельника, мучимый вожделием, он сжег себе пальцы на руках, и она в ужасе умерла [5, с. 243].

В средневековом мировоззрении связь с нечистой силой инкриминируется женщине конкретно

и устойчиво: даже, казалось бы, за частными обвинениями неизбежно усматривается их общее демоническое основание. Так, например, нападки на женщин за излишнюю приверженность к модным туалетам варьируются от анекдота о том, как муж, устремляясь по улице за юной красоткой, обнаруживает, что преследовал свою старую нагримированную жену, до отвращения перед собирающими пыль и блох длинными шлейфами. Однако все эти бытовые на первый взгляд выпады упираются в угрожающее заключение о том, что женщины на своих шлейфах возят дьявола [5, с. 247]. Цезарий Гейстербахский в «Беседе о чудесах» описывает целую группу дьяволят на шлейфе щеголихи: «Они были ростом с крысу и черны, как эфиопы; скаля свои морды, они хлопали в ладоши и прыгали, точно рыбы в неводе» [21, с. 626].

Мало того, женщина – отнюдь не пассивное оружие в руках нечистой силы, она сознательно и целенаправленно вступает в союз с дьяволом. В *exempla* описывается, как нечестивая крестьянка встала в таз и выпрыгнула из него спиной вперед со словами: «Прыгаю так из власти Бога во власть дьявола», и на глазах всей деревни нечистый подхватил ее на воздух и унес в неизвестном направлении [5, с. 263]. Движение против хода солнца, как противоположное традиционно принятому (*нормальному*), – атрибут дьявола: неслучайно ведьмы, по средневековым поверьям, могут как подниматься, так и спускаться по дымоходу, на шабашах якобы танцуют, повернувшись спиной друг к другу и т. п. [8, с. 31].

Существенно, что союз женщины с дьяволом мыслится средневековой культурой именно как сексуальный. В «Молоте ведьм» совершенно определенно указывается на то, что ведьмы – это «не простые еретики, а отступницы, которые не только отрекаются от веры, но и отдаются телом и душою демонам, а также присягают им на верность» [8, с. 154]. Это представление основывается на аксиоме о гипертрофированной женской сексуальности, которая якобы заставляет женщин прибегать «к помощи дьявола, чтобы утишить свои страсти» [8, с. 132]. Фома Аквинский также полагает, что «дьявол может принимать <...> образ мужчины и совокупляться с женщиной» [22, вопр. 51 (а, 3)].

Как писал Вольтер об инквизиции, священной обязанностью считалось подвергать допросу девушек, чтобы заставить их сознаться, будто они спали с Сатаной и тот при этом имел образ козла. Все подробности свиданий фиксировались в судебных процессах этих несчастных. «В результате их сжигали, безразлично, сознавались они или отпирались» [24, с. 91–92]. Действительно, Наставление по допросу ведьм, входящее в состав Баденского земского уложения 1588 г., содержит вопросы, ко-

торые должно было адресовать допрашиваемым женщинам: «Как обстоит дело насчет союза с нечистым? Было ли тут простое обещание или оно скреплено было клятвой? <...> Пожелал ли он брака с ней или простого распутства? <...> Давно ли она праздновала свадьбу со своим любовником? Как свадьба эта была устроена?» и т. д., включая подробнейший допрос о том, как вела она себя на брачном ложе с бесом и что именно предпринимал этот бес [24, с. 13–14]. В силу этого показания, данные под пыткой жертвами инквизиции, практически унифицированы. Первой была сожжена инквизицией в 1274 г. аристократка из Тулузы Анжела Лабарт, вынужденно признавшаяся, будто бы она еженощно совокуплялась с дьяволом и родила от него чудовище с волчьей головой и хвостом дракона [8, с. 32]. Более чем через 300 лет 67-летняя Клара Гейслер, арестованная в 1597 г. по обвинению в сожительстве с тремя чертями, говорила под пытками: «Я более сорока лет распутничала со множеством чертей, которые являлись ко мне в виде кошек и собак, а то в виде червяков и блох. <...> Я родила от своих чертей 17 душ детей» [24, с. 21–22]. По наблюдению А. Я. Гуревича, в *exempla* XIII в. «термины *incubus* и *succubus* <...> встречаются редко, но сами инкубы и суккубы фигурируют в “примерах” неоднократно» [5, с. 288]. Например, один бес склонил красавицу ко греху и довел ее до безумия, а пытавшегося изгнать его священника убил со словами: «Почто отнял у меня мою жену?» [5, с. 289]. С суккубами связан и мотив рождения чудовищ, характерный для *exempla*: типичен, например, мотив о том, что жену рыцаря познал дьявол, она зачала и родила трех редкостных чудовищ [5, с. 262].

В оценке средневековой ментальности женщина вступает в близость с дьяволом ради приобретения сверхъестественных способностей, которые затем может использовать для колдовства. И эта якобы причастность женщины к магии – второй столп оформления средневекового антифеминизма в качестве фобии.

«Молот ведьм» включал в реестр женских злодеяний оборотничество, способность придавать людям звериный облик, наведение стихийных бедствий, убийство людей молнией, пожирание убиенных младенцев – список бесконечен. Вильям Мальмсберийский в «Истории английских королей» рассказывает о таком случае колдовства: «...на людной улице, ведущей в Рим, жили две старухи <...> обе были искушены в колдовстве. Если случалось одинокому путнику забрести к ним, они обращали его в лошадь или свинью, или в какое-нибудь другое животное и выставляли купцам на продажу» [25, с. 394]. Следуя пенитенциалии Беды Достопочтенного, исповедник должен был задавать при-

хожанкам вопросы: «Не поступала ли ты так, как в обычае у некоторых женщин, повинующихся дьявольским повелениям? Они выслеживают следы христиан и их отпечатки, берут из следа кусок дерева и сторожат его, надеясь таким образом лишить человека здоровья или жизни» [26, с. 151]. Злодеяния ведьм широко перечисляются в Булле папы Иннокентия VIII «*Summis desiderantes affectibus*»: «...пренебрегая собственным спасением и отвратившись от католической веры, впали в плотский грех с демонами <...> и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями <...> насылают порчу <...> и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг» [15, с. 174–175].

В силу своей причастности к магии женщина – постоянный источник опасности для мужчины: она опасна уже в силу своего пола, опасна своей женской сексуальной силой, но наряду с этим средневековое мировоззрение приписывает женщине еще и сознательную злокозненность, злонамеренный малефициум – причинение зла – в отношении к мужчине. Различные его варианты широко представлены в пенитенциалиях: от колдовских способов привлечь к себе мужчину и разжечь его вожделение до наведения на него порчи, а именно магического лишения мужской силы. «Молот ведьм» включает в себя специальные главы: «О способе, коим женщины лишают мужчин полового члена», «Средства врачевания для тех, чья способность к соитию околдована» и т. п. [8, с. 194–198, 234–235]. Наставление по допросу ведьм из Баденского земского уложения 1588 г. включает в себя вопросы: «Как они делали мужчин неспособными к брачному сожитию? Какими средствами? И чем им можно опять помочь?» [24, с. 14]. Парадоксальное мышление средневекового обывателя: казалось бы, асексуальность и безгрешие тем самым достигнуто... Чем же плохо? Зачем помогать? Вернуться ко греху? В этой размытой логике определено только одно: в любом случае виновата она, женщина.

Как видим, оба названных вектора средневекового антифеминизма как фобии тесно связаны между собой. По легенде, каждый шабаш ведьм непременно включает в себя оргию, во время которой ведьмы и черти предаются чудовищному блуду. Черная сатанинская обедня, которой якобы завершается каждая Вальпургиева ночь, включает в себя фаллическую символику; как утверждает «*Corrector*» Бурхарда Вормского, на шабашах служат «языческой богине Диане» [26, с. 146], и следует иметь в виду, что римское имя Диана в Средние века ошибочно отождествлялось с греческим именем Диона, одним из наименований Афродиты. Согласно булле

папы Григория IX (1233) эти «отвратительные оргии принимали чрезвычайно противоестественное течение» [8, с. 31].

«Молот ведьм» выводит даже эксплицитно зафиксированную прямую зависимость: «чем больше <...> женщины одержимы страстью к плотским наслаждениям, тем неудержимее склоняются они к чародеяниям» [8, с. 132].

Таким образом, антифеминизм Средневековья – продукт не столько неприятия, сколько боязни всего, что связано с женщиной: от сексуальности как таковой, в которой усматривался источник искушения и греховности, – до сопрягаемой с ней магии и вытекающей отсюда демонизации женщины.

Следует отметить, что тенденция демонизации женщины развивается в средневековой культуре по экспоненте. Относительно раннего Средневековья можно сказать, что осуждались ложные языческие фантазии женщин, одурманенных нечистой силой и верящих, что верхом на зверях они якобы покрывают по воздуху огромные пространства и участвуют в ночных шабашах. Эдикт лонгобардского короля Ротара 643 г. налагал на христиан запрет на веру в то, что женщины якобы могут быть вампирами, и содержал указание судьям не допускать, чтобы заподозренным был нанесен какой-либо вред. Аналогично и более поздний Саксонский капитулярий Карла Великого 787 г. предусматривал смертную казнь тому, кто, будучи одуроченным дьяволом, верил подобно язычнику в существование пожирающих людей ведьм и убивал этих мнимых преступников [8, с. 8–9]. Пенитенциалии осуждают утверждения «многих женщин, сбитых с толку Сатаной»: якобы «пока муж на ложе сна воображает, что покоится в объятиях жены, она способна под покровом ночи в своем телесном обличье ускользнуть сквозь закрытые двери и, перелетев земные пространства, вместе с иными женщинами, подпавшими под власть такого же заблуждения, умерщвлять без всякого видимого оружия крещеный люд и, сварив их мясо, поедать его, а вместо сердца вложить в тело солому или деревяшку, или что-либо подобное и сделать их снова живыми» [26, с. 146]. Бурхард Вормский сокрушается, описывая «преступных женщин, поддавшихся Сатане»: «Увы, если бы они были единственными жертвами своего неверия и не увлекали бы за собой многих других на путь губительной заразы! Ибо неисчислимое множество людей, соvrращенных их ложными фантазиями, убеждено в истинности всего этого. <...> Но кто настолько глуп и неразумен, что принимает виденное во сне за существующее не только в духе, но и телесно?» [26, с. 144].

Что же касается более позднего периода, то, как отмечает И. фон Деллингер, богословы доминикан-

ского ордена уже пытались «измыслить свою теорию о любовных связях между людьми и дьяволами и их побочных детях» [27, с. 285–286].

Уже к XV в. осуждаемые пенитенциалиями «ложные фантазии» нетвердых в вере женщин принимаются за истину: караются не поверившие в них, а напротив, усомнившиеся. Как пишет И. фон Деллингер, «кто выражал сомнение в действительности ведьм и чародейства или осмеливался обнаружить обман, о том утверждали, что он находится под влиянием злого духа и заслуживает или пожизненного заключения в тюрьме, или смертного приговора» [27, с. 285]. Конкретно фиксируются даже дата и место Вальпургиевой ночи: с 30 апреля на 1 мая близ города Броккена [28, с. 212]. Авторы «Молота ведьм» открыто определяют цель написания текста: «цель труда заключается в том, чтобы <...> инквизиторы Верхней Германии по мере сил и с помощью Бога искоренили ведьм нашей области» [8, с. 249]. Охота на ведьм хронологически выходит далеко за рамки Средневековья, охватывая и эпоху Возрождения, и даже Просвещения.

Как известно, XV–XVII вв. прошли в Европе в дыму костров инквизиции [14]. По данным Х. А. Льюренте, индивидуальные преследования подозреваемых в колдовстве к XVI в. сменяются массовыми расправами [29, с. 350–351]. Епископом Савойи, например, за один раз было осуждено 800 женщин; по самым скромным подсчетам, общее число жертв гонений на ведьм достигает 9 млн человек [30]. Впрочем, как не без оснований утверждает А. Леманн, «невозможно определить, сколько вообще людей было казнено в течение нескольких веков по подозрению в чародействе, но известно, что <...> это дело велось так широко, что <...> когда прекратились преследования, в Германии оказались целые округа, в которых остались в живых только по две женщины» [31, с. 120].

В целом феномены антифеминизма и демонизации женщины едва ли можно рассматривать как сугубо средневековые: оформившаяся культурная установка продолжает функционировать еще определенное время после исчезновения породивших ее предпосылок, самовоспроизводясь и воссоздавая для себя пространство реализации.

Приведем для иллюстрации прецедент уже из XX в. В работе «Пол и характер» О. Вейнингер демонстрирует яркий пример антифеминизма: «и жен-

щина не чувствует никакого стремления к истине» [32, с. 261], и женский тип мышления находится «совершенно вне всяких понятий» [32, с. 255], и «у женщины нет своего “я”» [32, с. 255], и она настолько чужда морали, что ее поведение можно назвать не антиморальным (как у мужчины, который, даже нарушая моральную норму, все же отдает себе в этом отчет), но аморальным, «которое никакого отношения к морали не имеет» [32, с. 265]. И в целом позиция О. Вейнингера не может быть оценена иначе, нежели позиция мизогина.

Разумеется, обратная сторона мужского шовинизма представлена в полной мере: «Ибо фантазия женщины – заблуждения и ложь, фантазия же мужчины, как художника или философа, есть высшая истина» [32, с. 261].

Из чего проистекает такая позиция? С одной стороны, О. Вейнингер демонстрирует четкую аскетическую установку: «“платоническая” любовь существует, несмотря на протесты профессоров психиатрии. Я скажу больше: существует только платоническая любовь. Все прочее, что обозначают именем любовь, есть просто свинство. Есть только одна любовь: любовь к Беатриче, преклонение перед Мадонной. Для полового акта есть только вавилонская блудница» [32, с. 340]. Примечательный языковой нюанс: в немецком языке слово *женщина* может обозначаться как нейтральным *frau*, так и негативно окрашенным *weib* (*баба*). О. Вейнингер практически всегда пользовался вторым. Но при этом женщина для него – это «универсальная сексуальность»: в последней главе своей книги «Женщина и человечество» он эксплицитно формулирует вывод о том, что женщина – «первородный грех мужчины» [32, с. 487–509].

Вспомним уже знакомый нам по Средневековью и пронесенный культурой до постиндустриализма конфликт между отрицанием чувственности и невозможностью уйти от нее. О. Вейнингер ушел в прямом смысле: покончил с собой в гостиничном номере, выстрелив себе в сердце. Его биограф Г. Свобода в работе «Смерть Отто Вейнингера» выдвигает идею о том, что к самоубийству его привел конфликт между проповедуемым аскетизмом, с одной стороны, и собственной чувственностью, с другой [33]¹.

Раз возникшие культурные тенденции не уходят в одночасье и не изживаются бесследно, а оставляют глубокие отпечатки на многие столетия.

¹Разумеется, все, как всегда, и сложно, и неоднозначно: исследователи отмечают и религиозную подоплеку самоубийства О. Вейнингера (переход из иудаизма в христианство не принес ему удовлетворения), и этнонациональную причину (будучи евреем, он был антисемитом), и возможность его латентного гомосексуализма (оценка В. В. Розанова [34]), и причину, связанную с переживанием «культурной неполноценности» (оценка Г. Чхартишвили [35]). Все возможно... Но и тот аспект, который интересен нам в контексте анализа антифеминизма, также просматривается в его высказываниях достаточно ясно и демонстрирует очевидный изоморфизм с тем, что мы наблюдали в средневековых текстах.

Библиографические ссылки

1. *Опитц К.* Как жили в позднем Средневековье // История женщин на Западе : в 5 т. / под общ. ред. К. Клапеш-Зубер. СПб., 2009. Т. II. Молчание Средних веков. С. 265–307.
2. История женщин на Западе : в 5 т. ; под общ. ред. К. Клапеш-Зубер. СПб., 2009. Т. 2. Молчание Средних веков.
3. *Марбод Реннский.* Из «Книги десяти глав» // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 230–232.
4. *Отлох Эммерамский.* Книга пословиц // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 150–156.
5. *Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989.
6. Римские деяния // Зарубежная литература средних веков / сост. Б. Пуришев. М., 1974. С. 58–59.
7. *Матвей Вандомский.* Из «Письмовника» // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 440–446.
8. *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветкова ; предисл. С. Лозинского. М., 1932.
9. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
10. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии / пер. с нем. и вступ. ст. А. М. Боковой. М., 1995.
11. *Иероним.* Письмо к Евстохии // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1970. С. 36–42.
12. *Гонсалес Х. Л.* История христианства : в II т. ; пер. Б. Скороходов. СПб., 2001. Т. I. От основания Церкви до эпохи Реформации.
13. *Шейнман М. М.* Вера в дьявола в истории религии. М., 1977.
14. *Григулевич И. Р.* Инквизиция. 3-е изд. М., 1985.
15. *Лозинский С. Г.* История папства. М., 1986.
16. *Даларен Ж.* Глазами Церкви // История женщин на Западе : в 5 т. ; под общ. ред. К. Клапеш-Зубер. СПб., 2009. Т. 2. Молчание Средних веков. С. 24–50.
17. *Алан Лилльский.* Плач природы // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 333–347.
18. *Хротсвита Гандерсеймская.* Предисловия к драмам // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 83–85.
19. *Абеляр П.* История бедствий абеляровых, описанная им в письме к другу // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 294–302.
20. *Гейне Г.* Мысли и афоризмы // Unatices.com : [сайт]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=126018&page=5> (дата обращения: 01.03.2017).
21. *Ардашев П.* Цезарий Гейстербахский (черты средневекового настроения и мировоззрения) // Книга для чтения по истории средних веков / отв. ред. Г. П. Виноградов. М., 1897. С. 620–630.
22. *Фома Аквинский.* Сумма теологии : в 2 ч. СПб., 2003. Ч. I. Вопр. 44–74.
23. *Вольтер.* Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма : в 2 т. М., 1961. Т. 1.
24. *Сперанский Н.* Вѣдьмы и вѣдовство. Очеркъ по исторіи церкви и школы в Западной Европѣ. М., 1906.
25. *Вильям Мальмсберийский.* История английских королей // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 390–402.
26. *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
27. *Янус (Деллингер И. фон).* Папа и собор. Берлин, 1870.
28. *Мелетинский Е. М.* Вальпургиева ночь // Мифы народов мира : в 2 т. ; ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 1. С. 212.
29. *Льоренте Х. А.* Критическая история испанской инквизиции : в II т. ; пер. А. Пеллье ; предисл. С. Г. Лозинского. М., 1936. Т. I.
30. *Ли Г. Ч.* История инквизиции : в 3 т. ; пер. с фр. А. И. Башкирова ; под ред. С. Г. Лозинского. СПб., 1912. Т. 2. История инквизиции в Средние века.
31. *Леманн А.* Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней : пер. с нем. М., 1900.
32. *Вейнингер О.* Пол и характер. М., 2012.
33. *Свобода Г.* Смерть Отто Вейнингера : пер. с нем. Симферополь, 1912.
34. *Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый. М., 2015.
35. *Чхартишвили Г.* Писатель и самоубийство : в 2 кн. М., 2008.

References

1. Opitts K. [How they lived in the Late Middle Ages]. In: Ch. Klapesch-Zuber (ed.). [The History of Women in the West] : in 5 vol. Saint Petersburg, 2009. Vol. 2. [Silence of the Middle Ages]. P. 265–307 (in Russ.).
2. Klapesch-Zuber Ch. (ed.). [The History of Women in the West] : in 5 vol. Vol. 2. [Silence of the Middle Ages]. Saint Petersburg, 2009 (in Russ.).
3. Marbod Rennskii. [From the «Book of ten chapters»]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 230–232 (in Russ.).
4. Otloh Jemmeramskij. [The book of proverbs]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 150–156 (in Russ.).
5. Gurevich A. Ja. [Culture and society of medieval Europe through the eyes of contemporaries (Exempla of the XIII century)]. Moscow, 1989 (in Russ.).
6. [Roman Acts]. In: B. Purishev (ed.). [Foreign literature of the Middle Ages]. Moscow, 1974. P. 58–59 (in Russ.).

7. Matvej Vandomskij. [From the «Book of Letters»]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 440–446 (in Russ.).
8. Shprenger Ja., Institoris G. [The hammer of witches]. Moscow, 1932 (in Russ.).
9. Golenishhev-Kutuzov I. N. [Medieval Latin literature in Italy]. Moscow, 1972 (in Russ.).
10. Adler A. [Practice and theory of individual psychology]. Moscow, 1995 (in Russ.).
11. Ieronim. [Letter to Eustochia]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 4th–5th centuries]. Moscow, 1970. P. 36–42 (in Russ.).
12. Gonsales H. L. [History of Christianity] : in II vol. Saint Petersburg, 2001. Vol. I. [From the foundation of the Church to the Era of the Reformation] (in Russ.).
13. Sheinman M. M. [Faith in the devil in the history of religion]. Moscow, 1977. P. 112 (in Russ.).
14. Grigulevich I. R. [The Inquisition]. 3rd ed. Moscow, 1985 (in Russ.).
15. Lozinskii S. G. [The history of the Papacy]. Moscow, 1986 (in Russ.).
16. Dalaren Zh. [By Eyes of the Church]. In: Ch. Klapesch-Zuber (ed.). [The history of women in the West] : in 5 vol. Saint Petersburg, 2009. Vol. 2. [Silence of the Middle Ages]. P. 24–50 (in Russ.).
17. Alan Lill'skii. [Lament of nature]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 333–347 (in Russ.).
18. Khrotsvita Gandersgeimskaya. [Foreword to the dramas]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 83–85 (in Russ.).
19. Abelyar P. [The history of the calamities of the Abelarian, described by himself in a Letter to a Friend]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 294–302 (in Russ.).
20. Geine G. [Thoughts and aphorisms]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=126018&page=5> (date of access: 01/03/2017) (in Russ.).
21. Ardashev P. [Tsezary of the Geisterbakh: features of the medieval mood and outlook]. In: G. P. Vinogradov (ed.). [A book for reading on the history of the Middle Ages]. Moscow, 1897. P. 620–630 (in Russ.).
22. Foma Akvinskii. [The Sum of theology] : in 2 parts. Saint Petersburg, 2003. Part 1. Questions 44–74 (in Russ.).
23. Vol'ter. [God and people. Articles, pamphlets, letters] : in 2 vol. Moscow, 1961. Vol. 1 (in Russ.).
24. Speranskii N. [Witches and witchcraft. Feature article on the history of the Church and school in Western Europe]. Moscow, 1906 (in Russ.).
25. Vil'yam Mal'msberiiiskii. [History of English Kings]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 390–402 (in Russ.).
26. Gurevich A. Ya. [Problems of medieval folk culture]. Moscow, 1981 (in Russ.).
27. Yanus (Dellinger I. fon). [The Pope and the Cathedral]. Berlin, 1870 (in Russ.).
28. Meletinskii E. M. [Walpurgis night]. In: S. A. Tokarev (ed.). [Myths of the Peoples of the World] : in 2 vol. Moscow, 1980. Vol. 1. P. 212 (in Russ.).
29. Lorente Kh. A. [Critical history of the Spanish Inquisition] : in 2 vol. Moscow, 1936. Vol. 1 (in Russ.).
30. Li G. Ch. [History of the Inquisition] : in 3 vol. St. Petersburg, 1912. Vol. 3. [History of the Inquisition in the Middle Ages] (in Russ.).
31. Lemann A. [Illustrated history of superstition and magic from Antiquity to the present day]. Moscow, 1900 (in Russ.).
32. Veininger O. [The gender and the character]. Moscow, 2012 (in Russ.).
33. Svoboda G. [Death of Otto Weininger]. Simferopol, 1912 (in Russ.).
34. Rozanov V. V. [Fallen leaves. The first box]. Moscow, 2015 (in Russ.).
35. Chkhartishvili G. [Writer and suicide] : in 2 books. Moscow, 2008 (in Russ.).